

— Кто такие? — прозвучал оклик у ворот дворца Чжэнбэй-вана. Перед парадным входом возвышались два каменных льва, покрытых позолоченной резьбой — величественные и грозные, они сверлили пространство перед собой глазами, похожими на бронзовые колокола. Слуга, стоявший у ворот, словно впитал в себя львиную суровость: в голосе холод, во взгляде — безразличие, и говорил он, не удостоив собеседников взглядом.

Братья из семьи Сюн впервые в жизни стояли перед столь высоким чином. Страх пробирал их до самого нутра.

— Мы... мы из деревни Синхуа. Мой брат раньше служил у Чжэнбэй-вана, — заговорил Сюн Чжу, — сегодня нам посчастливилось приехать в Дунцзин, и мы, по поручению брата, пришли выразить почтение. — с этими словами он протянул письмо — его составил учёный Цзи по диктовке Тан Шоу, а подписано было от имени Сюн Чжуаншаня.

Слуга взял письмо, едва зацепив край, и, лениво прищурившись, процедил:

— Хорошо. Ступайте. Если наш ван захочет вас видеть — сам позовёт.

Тан Шоу ещё перед отъездом строго-настрого велел братьям: если получится встретиться — отлично, если нет — не навязываться. Дунцзин — не уездный Юйлинь, здесь нужно быть особенно сдержанным и осмотрительным.

Вернувшись из дворца Чжэнбэй-вана, братья Сюн сразу приступили к обустройству тёплых канов в доме семьи Цзинь. А дом Цзинь — не просто богатый, он был настоящим эталоном моды и стиля в столице. Благодаря сознательному продвижению новинки очень скоро по всему Дунцину распространилась весть: новый кан — вещь незаменимая, и все поспешили звать братьев Сюн к себе.

Чтобы обеспечить им безопасность, Цзинь Цзиньчэн не стал особо афишировать, кто они такие. Другие знатные семьи решили, что братья работают на Цзиней, и в результате никто не смел проявить к ним дурной воли.

Желающим установить кан приходилось сначала идти к Цзинь Цзиньчэну — только он решал, кого из просителей порекомендовать братьям Сюн. А сами братья, не заботясь особенно о славе, делали своё дело — работали на доход. Жизнь в столице стоила дорого, и цены здесь, в сравнении с Юйлинем, взлетали вдвое. За один кан каждый из них получал по девяносто вэнь — в три раза больше, чем в уезде. А за день — до трёхсот шестидесяти. Заработок был очень даже солидный.

Земля в Дунцине не промёрзла, глину можно было копать свободно, так что платить за материал не приходилось вовсе. А та оплата, что шла за труд, для богатых столичных домов была настолько незначительной, что многие воспринимали её как жест доброй воли со стороны Цзинь Цзиньчэна, решившего помочь по старой дружбе. По сравнению с тем, как деревенские в Синхуа дорожили каждой монетой, тут работа считалась почти даром. Так что и те, и другие остались довольны: одни — наладили нужные связи, другие — заработали не один

мешок серебра.

Вскоре мода на тёплые лежанки накрыла весь Дунцзин. И вот однажды, когда Чжэнбэй-ван сидел в тёплом павильоне и неспешно пил чай, к нему подошёл верный слуга, сердито бурча:

— Ванъе, что это творится у нас в столице? Все чиновники друг за другом бегут за этими канами, все обращаются в дом Цзиней, а про дворец Чжэнбэй-вана будто забыли. Это как понимать? Они что, всерьёз не считают дворец Чжэнбэй-вана достойным внимания?

В глубине души у самого Чжэнбэй-ван тоже было недовольство. Не в том, чтобы у него не было кана — ему, как раз, было всё равно. Но вот отношение семьи Цзинь задевало.

Чжэнбэй-ван был родным братом действующего императора, от одной матери, с самой младенческой поры они делили не только пищу и одежду, но и страдания. Их мать — всего лишь простая дворцовая служанка, и детство обоих прошло в унижении, под гнётом и насмешками. Однажды Чжэнбэй-ван даже чуть не погиб, защищая своего брата, и только чудом остался жив. Он был тем, кто, пройдя через смерть, привёл императора к трону.

Так что в империи почёт делился так: император — первый, Чжэнбэй-ван — второй. Все остальные — после.

Семья Цзинь, как бы слепа ни была, всё же не настолько глупа, чтобы сознательно идти наперекор Чжэнбэй-вану. А если так, то остаётся лишь один вариант: в резиденции кто-то замыслил недоброе, поддался чьему-то влиянию, был подкуплен и нарочно попытался посеять раздор между двором вана и семьёй Цзинь. А это уже не просто ошибка — это серьёзнейшее дело. Кто-то осмелился протянуть свою руку прямо в дом вана.

Глаза Чжэнбэй-вана сузились, в них сверкнула холодная сталь.

— Выяснить, — коротко бросил он.

Приказ был отдан — и вскоре правда всплыла. Всё оказалось лишь досадным недоразумением. Семья Цзинь, увидев, что у семьи Сюн якобы имеется личное письмо для Чжэнбэй-вана, решила, что между ними особая близость. А если даже с таким письмом в руках их не пригласили во дворец — значит, ван, очевидно, вовсе не заинтересован в этих самых «канах».

Они не знали, что привратник, бросив взгляд на поношенную одежду братьев, попросту не пустил их внутрь. А то самое письмо отнёс к прочей кипе писем от людей, мечтающих «приблизиться» к двору вана, и отнёсся к нему пренебрежительно.

— Синхуа?.. — переспросил Чжэнбэй-ван, услышав название деревни, и в лице его промелькнуло что-то смутно знакомое, будто эхо забытого воспоминания. Он пытался припомнить.

— Говорят... это вроде бы ваши бывшие подчинённые... — голос привратника дрожал, он опустился на колени, весь трепеща от страха. Кто бы мог подумать, что его обыденное пренебрежение к паре простолюдинов вызовет такой переполох, да ещё и с участием семьи Цзинь. А те двое, вместо того чтобы сразу сказать, что за ними стоит семья Цзинь, — молчали! Сказали бы сразу — он бы мигом пропустил!

— Подчинённые?.. — переспросил Чжэнбэй-ван, задумчиво глядя перед собой. — Они оба — братья по фамилии Сюн?

— Да, совершенно верно... — торопливо закивал привратник, чувствуя, как холодный пот стекает по спине.

— Вот как, значит это он... — Чжэнбэй-ван вдруг мягко усмехнулся. — Завтра же пригласите их. Пусть придут и устроят кан.

После того как братья Сюн уехали в столицу, в доме Сюн Чжуаншаня спокойствия не стало — напротив, сюда начали толпами стекаться люди.

Все, кто хоть немного понимал в укладке канов, были задействованы на казённых работах — и не было понятно, когда они освободятся. А жители уезда, желающие обустроить тёплые каны к зиме, не знали, к кому обратиться. Один за другим они приходили к дому Сюн, умоляя, чтобы лично Сюн Чжуаншань вышел из «отпуска» и взялся за дело.

Но дома тоже хватало забот, и Тан Шоу, разумеется, ни о чём таком и слышать не хотел — всем отказал без колебаний.

Это уже была третья волна просителей, которых он проводил восвояси. Сейчас Тан Шоу совершенно непринуждённо растянулся на кане, совершенно не заботясь о приличии, как и полагается человеку, изрядно прогретому жаром — он размяк и расслабился до предела.

А Сюн Чжуаншань, в отличие от него, всё ещё чем-то занимался. Этот большой глупый медведь не умел сидеть без дела — ему постоянно нужно было что-то делать, что-то чинить, к чему-то прикладывать руки. Один занят, другой отдыхает — и в этом мирном контрасте в зимний полдень между ними словно поселилось мягкое, почти семейное тепло.

— Скука смертная, на мне так скоро грибы вырастут, — лениво протянул Тан Шоу. — Тут делать совершенно нечего. Вот бы сейчас оказаться у меня на родине — в это время как раз сезон ледяных фонарей и катания на коньках. — в доме теперь завелись деньги: выручка от установки канов, деньги от продажи зубных благовоний и обуви на многослойной подошве — всё это вместе делало их по-настоящему обеспеченными. Срочной нужды в заработке не было, на плечи больше не давила бедность. Появились лишние деньги — и, вместе с ними, желание пожить для себя. — Я ведь с тех пор как сюда попал ещё толком не развлекался. У вас здесь

вообще что-нибудь интересное есть?

Сюн Чжуаншань остановился, задумчиво отложил работу в сторону и, поразмыслив, ответил:

— В такую стужу и правда особо не разгуляешься. Разве что охота в императорских угодьях, да и то — только для знати.

— Ну и толку, — фыркнул Тан Шоу, — нам туда дорога всё равно заказана.

Вдруг глаза у него округлились, и он вскочил на локтях:

— Так ведь сейчас самое время для катания на льду! У вас тут есть каток? Пошли кататься!

— Кататься?.. Это как? — не понял Сюн Чжуаншань.

— Ну... игры на льду, — пересказал Тан Шоу, подбирая более исторически привычный термин. Он помнил, что в Истории династии Сун упоминались «праздники ледяных игр в императорском саду» — по сути, речь шла о катании на коньках.

Сюн Чжуаншань медленно покачал головой:

— Не знаю, есть ли такое в Дунцзине или где ещё... Но сам ни разу не слышал.

Тан Шоу с досадой перевернулся на другой бок, вдавливаясь в жаркую лежанку. Скука его одолевала. Ни тебе праздников, ни ярмарок, ни развлечений — целыми днями взаперти.

Но вдруг он резко приподнялся, словно воскрес из мёртвых, и в его глазах зажёгся странный, яркий свет.

— Это же знак свыше! — выпалил он. — Муж, как же я раньше не додумался! Если еда и питьё не могут привлечь избалованных сыновей и дочерей знатных домов в такую погоду... то, может, развлечения?

В такое время, когда досуг и так скуден, особенно зимой, и он сам чуть с ума не сходит от скуки, что уж говорить о тех, чья жизнь вся состоит из праздности — сынки и дочки знатных домов, которым скучно всегда...

Если речь идёт о развлечениях — так они и в Синхуа приедут, это уж точно. Люди будущего ради туризма и на самолётах полмира облетали, а тут — всего-то деревня.

— Муж, давай откроем ледяную площадку! Специально для этих маленьких господ и барышень

из знатных семей. Точно пойдёт в гору!

Сюн Чжуаншань кивнул:

— Ладно.

Сказано — сделано. Сначала они собрали женщин из деревни, тех, кто раньше делал для них швейные заказы, и попросили отложить текущую работу: срочно нужно было сшить партию особенно тёплых ватных курток, штанов и шапок. Такие одежды не только грели, но и служили амортизаторами — если вдруг кто упадёт, не разобьётся сразу в лепёшку.

Сами коньки были сделаны по простой схеме: к деревянной платформе прибивались железные полосы, а сама платформа привязывалась к обуви. Удобно, прочно, и — что важно — позволяло быстро разогнаться, словно птица в полёте.

Были предусмотрены два варианта: с одним лезвием — железная полоса по центру подошвы. Скорость высокая, но сложно держать равновесие. И с двумя — железо по бокам подошвы. Медленнее, зато устойчиво — отлично для новичков.

Следующим шагом стало устройство самой ледяной площадки. Делать её где-нибудь далеко — опасно: за всем не уследишь, а если ледяная забава пойдёт в народ и вызовет зависть, не ровен час кто-нибудь подложит свинью. А там глядишь — кто-то из благородных покалечится, а то и вовсе... погибнет.

Тут Сюн Чжуаншань сказал:

— А давай построим прямо за нашим домом. Вон там пустырь за домом — он как раз ничей. Мы откроем заднее окно — всё будет как на ладони. Я схожу к старосте, куплю этот участок. Тогда и на следующий год сможем снова устроить такое.

На севере земли раскинулись широко, людей мало, а пустошей — сколько хочешь. Дома в деревнях стояли не вплотную друг к другу, как в будущем, а разбросанно, редкими пятнами. И даже если кто и звался соседом, до него всё равно нужно было пройтись.

— Купить участок? — староста опешил. Оно и понятно: семья Сюн — всего двое, муж с фуланом, детей нет, три комнаты — за глаза. Если уж покупать землю, то разве что пашню. А тут — под усадьбу, да ещё и зимой? Построить всё равно ничего нельзя, только деньги зря тратить. Куда практичнее было бы арендовать на время.

Увидев сомнения старосты, Тан Шоу с улыбкой пояснил:

— Мы с мужем хотим построить ледяную площадку для игр. Далек от дома будет неудобно следить, а вот за двором — самое то. Окно откроем — и вся площадка как на ладони.

— Ледяное... что? — переспросил староста, не понимая. Впрочем, он давно привык, что Тан Шоу постоянно придумывает какие-то диковины, о которых он, деревенский человек, и слыхом не слыхивал. Так что не слишком удивился. Ну, новое слово — и что? Разве впервой?

— Ледяную площадку для игр, — терпеливо объяснил Тан Шоу. — Зимнее развлечение. У господ и барышень из знатных семей в такую пору совсем нет забав — сидят по домам, скучают. А мы построим площадку — и они, глядишь, к нам потянутся. Людей станет больше, и наши деревенские смогут на этом подзаработать.

Деньги — вот что действует сильнее любых слов. Как только речь зашла о выгоде, глаза старосты тут же загорелись. Ещё бы! В прежние зимы и летом-то особо не зарабатывали, а уж зимой — и вовсе глухо. А за последнее время те, кто не ленился, уже выручили столько, за сколько раньше трудились полгода. А теперь ещё и новая затея! Кто знает, сколько прибýtка она принесёт?

Он даже расспрашивать больше не стал — быстро переоделся, сообщил семье и сам чуть ли не бегом повёл Тан Шоу и Сюн Чжуаншаня в ямен. Шёл так, будто это ему самому участок нужен, и как можно скорее.

В ямене после прошлой истории Тан Шоу и Сюн Чжуаншаня встречали чрезвычайно почтительно. Все были вежливы, говорили ласково, оформили всё с молниеносной скоростью — аж не верилось. А на прощание ещё не раз переспросили, довольны ли те, всё ли в порядке.

Ледяную площадку построить было несложно, и вложений почти не требовалось. Единственное, что мешало — отсутствие техники. В такую зиму, чтобы сделать ровный ледяной наст, нужно было наливать воду вручную, слой за слоем, день за днём.

Но стоило старосте кинуть клич — и полдеревни высыпало на улицу. Остались разве что откровенные лодыри и те, кто ушёл продавать пироги. Остальные пришли — помогать.

Похоже, поступки Тан Шоу — бесплатная установка канов для нескольких деревенских стариков, так и платное, но честное обучение нескольких мужчин ремеслу — действительно снискали ему доверие и расположение многих.

— У каждого из вас есть своя работа, — сказал он, глядя на собравшихся. — А вы всё отложили, чтобы помочь нам. Я не могу позволить вам работать даром. За каждый день буду платить по пять вэнь.

Но тут же один старик отчаянно замахал руками, словно хотел отмахаться от самого предложения. Голова у него качалась так яростно, что, казалось, вот-вот оторвётся.

— Ни за что, ни за что! Подумаешь, делов-то — помочь с мелочью! Не за деньги ж мы сюда пришли. Ты же для деревни сколько всего сделал. Если бы не ты, не видать бы старушке Чжан и другим зиму — кто знает, выжили бы вообще? Это ж не мелочи — это жизни человеческие. И

не потому, что они одинокие, без семьи — жизнь на то и жизнь, что дорога. У тебя сердце на месте, и народ это помнит.

Старик перевёл дух, и продолжил:

— Да и взять нас самих. Сколько работы ты нам дал? Сколько мы благодаря тебе заработали? Без тебя мы бы таких денег и в глаза не видели! Сейчас вот — день через день мясное на столе, маслом сдобрено, а раньше что было? Сытым лечь спать — уже удача!

Старший сын этого старика был одним из тех, кто выучился у Тан Шоу делу укладки канов. Их семья бедствовала, и тот самый один лян серебра на обучение пришлось собирать по родственникам, просить, занимать, унижаться. Но именно это и заставило их особенно дорожить возможностью — сын учился с особым усердием, а отец теперь считал Тан Шоу чуть ли не родным благодетелем.

Теперь, когда его сын выучился ремеслу, он работает на ямен и зарабатывает по сорок пять вэнь в день. Даже месяца не потребуется, чтобы вернуть потраченный на обучение лян. А скоро и казённые заказы подойдут к концу — тогда он начнёт принимать частные, и вся выручка пойдёт прямо в карман. К тому же частная работа оплачивалась выше.

Вся семья теперь жила с чувством надежды на будущее, с благодарностью глядя в сторону дома Сюн. И особенно — на Тан Шоу и Сюн Чжуаншаня.

Другие деревенские тут же поддержали:

— Само собой! Само собой! Это ж пустяк — какая может быть тут плата?

Раз все столь решительно отказывались, Тан Шоу больше не настаивал. В подобных делах он знал: иногда важно принять добрую волю людей, а не спорить с ней.

Воду носили всей деревней. Для деревенских мужчин и женщин это дело обычное — никто не жаловался, не уставал. Вёдра сменяли друг друга: брали в доме семьи Сюн, несли на участок и выливали слой за слоем на будущую ледяную площадку.

Земля, которую купил Тан Шоу, была большой — целый му (примерно 666 квадратных метров). Но сам каток они решили делать не таким уж и огромным — всего на триста квадратных. Толщина льда — около трёх цуней (примерно 10 см). И даже с этим объёмом воды деревенские возились целых семь дней. Позже, когда стало известно, что у семьи Сюн есть работа, многие мужчины даже перестали продавать свои сладости на улицах — бросили всё и пришли помогать. Лишь тогда дело наконец удалось довести до конца.

Даже Чжан Пан, хоть и был ещё ребёнком, не остался в стороне. Он, конечно, не мог носить тяжёлые вёдра, что были больше его самого, но приносил воду в своём маленьком деревянном

тазике — тазик за тазиком, выливая на землю. Малыш трудился в поте лица, щеки у него пылали, но он ни разу не пожаловался, ни слова не сказал о том, что устал.

Тан Шоу не мог остаться равнодушным к такому усердию. Каждый день, когда работа подходила к концу, он вручал Чжан Пану ореховое печенье. Но тот никогда не съедал угощение сразу — бережно уносил его домой, чтобы потом разделить с бабушкой.

Глядя на улыбающихся, с энтузиазмом трудящихся людей, на то, как всё вокруг кипит, а лица полны света, Тан Шоу почувствовал, как в его груди поднимается тихое, глубокое тепло. Этот клочок земли, эта деревня, где всё началось, где столько людей пришло ему на помощь, стала для него чем-то большим, чем просто временным приютом. Впервые он по-настоящему ощутил: у него появился второй дом. И вместе с этим — странное, до боли родное чувство... принадлежности.

<http://bllate.org/book/13592/1205374>